

Александр Бобылев добавил, что в «Иркутских кварталах» есть места, где будут реализованы новые технологии. Старая застройка будет гармонично соседствовать с новой.

Елена Григорьева пояснила, что когда улицы будут благоустраиваться, настроение места неизбежно изменится. Когда благоустраиваются улицы, меняется среда, и некоторые люди будут тосковать по исчезнувшему. К сожалению, в Иркутске есть проблема: при ремонте улиц проект благоустройства не реализуется должным образом, или его, проекта, нет вообще. Архитекторы должны не только создавать проект, но и вести авторский надзор в процессе его реализации. В «Иркутских кварталах» необходимо преодолевать тенденцию, когда проект существует отдельно, а подрядчик работает по своему усмотрению.

Экскурсовод Юлия вернулась к теме туризма. Туристы и горожане – это разные люди. И туристы между собой тоже разные. Мы никогда не угодим всем. При благоустройстве улиц следует также обратить серьезное внимание на восприятие города детьми.

Алиса Козак согласилась, сказав, что в Париже главная достопримечательность – местная жизнь, которая кипит, и в каждом квартале она разная. В центре Иркутска жизни очень немного.

Михаил Рожанский продолжил тему, отметив, что существуют две модели туристического города – Париж и Рим. Париж привлекателен разнообразной жизненной

активностью, и турист – часть этой местной жизни. А в Риме центр отдан исключительно туристам. В Иркутске есть потенциал для парижского варианта. Нужно думать, прежде всего, чем и как мы живем, а не что показать туристам. Для «Иркутских кварталов» – это важная тема.

Елена Григорьева задала вопрос, что делать с вымыванием жилой функции из центра города?

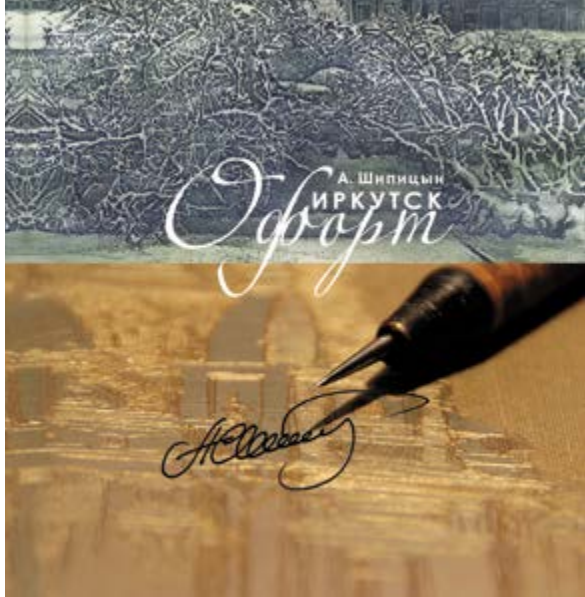
Алиса Козак сказала, что в центре города нужны новые формы жилья и обратила внимание на отсутствие необходимых для повседневной жизни услуг, которые есть в спальных районах. Продолжая дискуссию о судьбе дерева как идентичности Иркутска, профессор Марк Меевич напомнил, что правительство Российской Федерации поручило Министерству разработать к июню этого года новые нормативы, которые законодательно допустят многоэтажное деревянное строительство в России.

Николай Жуковский в своей горячей речи высказал оригинальное мнение о том, что на город влияют не архитекторы, а власть, деньги и обстоятельства. Политическая воля. Если богатым людям понадобится жилье в центре города, они его построят.

Елена Григорьева возразила: сейчас, как результат некоторых успехов 130-го квартала, в Иркутске реализуются сразу три направления без ярко выраженной политической воли: «Иркутские кварталы», АРПИ и бизнес Дмитрия Разумова. К деревянной застройке коммерсанты также стали относиться по-иному, менталитет в какой-то степени поменялся, но предстоит еще работать и работать в этом направлении.

в Александр Шипицын.
"Листопад"
Офорт тр. штр. 2прог. бум.
гознак Б. 13x18, 2000 г.

Мастер и город

К новому альбому Александра Шипицына /

Master and the City

To a new album of Alexander Shipitsyn

Стиль этого мастера – классическая графика. Но это нечто большее: во всех его офортах – изысканно проникновенный аристократизм классики.

Из-под руки Шипицына не ускользают никакие мельчайшие подробности, то виртуозно прорисованные, то растворяющиеся в пасмурной дымке далекого столетия. Все это отражает уникальную особенность мастера. Я бы назвал ее пантомимой графики. В офортах А. С. Шипицына мимика, жесты, пластика и ритм являются результатом каллиграфически наполненного и отточенного штриха, силуэтных абрисов по-репортерски достоверных закоулков Иркутска. Глядя на его пейзажи, вы видите перетекание массивов штриха в линию, далее – в тональность всего листа и, наконец, вот оно – знакомое место старого Иркутска.

Воодушевленный созерцанием пейзажей А. С. Шипицына, я решил с помощью компьютера сформировать свой собственный взгляд. В результате такого зрительского сотворчества появились листы-коллажи «По Шипицыну». Я с удовольствием «завирусовался» пасмурной дымкой зимнего Иркутска, которая, искрясь и серебрясь проникновенным ароматом куржака, скользит по замершему жесту двух деревянных столбов исчезнувшей со временем ограды, возносится готическими мотивами заснеженных ветвей, превращаясь в заснеженную то ли поленницу, то ли обгоревший остов жилья, в штатетник заснеженного полуразрушенного палисадника. Что здесь более живое – покосившийся дом с кривыми форточками и ставнями либо вся эта заснеженная круговерть старины?

Вот уже на протяжении нескольких десятилетий Шипицыну удается оставаться верным своему почерку в графике. Это неброская, но, безусловно, завораживающая драматургия линейного рисунка в сочетании с массивами штриха и, наконец, сдержанная пастельная цветовая гамма при печати с офортной доски.

Композиция каждого листа не состоит из мозаики фрагментов старого города. Все уголки города вполне узнаваемы и достоверны. На всех офортах угадываются

знакомые закоулки, пасмурные и солнечные состояния, полные свежести и непосредственности штрихи, сделанные резцом мастера. Мягкие цвета, перетекающие один в другой – это одна из достопримечательностей Иркутска. Особенно живо она воспринимается в крещенские морозы, когда над Ангарой стелется туман, прорисовывающий набережную, силуэты зданий и еле заметные, уходящие за горизонт улочки с деревянными оградами и покосившимися домиками.

Художник с нестареющим вдохновением продолжает прочитывать жизнь старого города, который и для автора этих строк является предметом графического и живописного осмысления. Придирчивому зрителю бросается в глаза ненавязчивая небрежность штриха и отсутствие в пейзажах людей. Отсутствие лиц в пейзажах – это взгляд, полный достоинства и смысла собственного присутствия. Глядя на его офорты, вы вполне ощутимо проникаетесь узнаваемым силуэтом летнего дворика... и вы уже в нем. В этот момент охватывает щемящее воспоминание: в толпе случайных знакомых, столкнувшись с одним из них, ты вдруг узнаешь свой давний, уже забытый идеал и, пройдя мимо, чувствуешь себя осиротевшим. Но существуют встречи близких по духу людей: чужие проходят мимо, но еще ни один человек не родился на свет чужим для всех. Пристально вглядывающегося в силуэты старого города Шипицына не покидает ощущение чего-то еще не увиденного, не встреченного. И путешествие по старому Иркутску происходит вновь, с тем же азартом, темпераментом, и оно может повторяться без конца.

У каждого из нас, учеников и почитателей таланта Александра Сергеевича Шипицына, есть свои творческие секреты, приоритеты и таинства, и мы, как правило, применяем из них те, которые кажутся наиболее подходящими к моменту. Когда я смотрю на офорты моего учителя, все мои секреты, приоритеты и таинства взмывают наружу и устраивают танец встречи с собой и с неведомым. Именно так в мой кругозор входит пантомима офортов Шипицына.

^ “Мой любимый дом”
Офорт трав. штрих.
акватинта, бум. перламутр.
17,5x28,3, 2002 г.

текст
Сергей Алексеев /
text
Sergey Alekseev